

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Роман Шабанов

Разговоры со спящими

Пьеса с элементами монолога
и диалога

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2 Рос)-6
Ш13

***Файл книги для электронного и РоD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

Шабанов, Роман Витальевич.

Ш13 Разговоры со спящими : Пьеса / Роман Шабанов. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2018. — 86 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-3210-4

Женщина устраивает свою жизнь таким образом, чтобы все в ней спали. Муж, сын. Она создает атмосферу, разговаривает с ними, уверяя их, что и во сне есть тоже вполне нормальная жизнь. Неожиданно подступает старость, и происходит осознание случившегося.

ISBN 978-5-4467-3210-4

© Текст. Р. В. Шабанов, 2018
© Агентство ФТМ, Лтд., 2018

*Мертвые не способны ничего сделать
или почувствовать. Мы не в состоянии им
помочь, а они не могут причинить нам вред.*

(Псалом 145:4; Екклесиаст 9:5, 10).

Душа умирает, она не живет после смерти.

(Иезекииль 18:4).

*Человек может всю жизнь прожить в одиночестве.
А что, может. Но все-таки кто-то ему нужен,
кто бы его зарыл, хотя могилу он себе может
выкопать сам.*

Джеймс Джойс «Улисс»

Действующие лица

Девушка, Женщина, Пожилая женщина, Старуха —
одно и то же лицо в разные промежутки
времени.

Сын, он же Мальчик, Парень, Мужчина.

Смотритель кладбища — несмотря на возраст,
он всегда остается смотрителем кладбища.
и **Спящие...**

Действие первое

Сцена 1

*Спальня. Ничего особенного, все, что обычно бывает в спальнях, — кровать, тумбочка, стул, бельевой шкаф, кресло, может быть, комод. Большое занавешенное окно с небольшой щелью в нем. Пиджак, брюки небрежно брошены на пол. В комнате приглушенный свет от бра около кресла. На кровати, отвернувшись к стене, лежит полубодренный **Парень**, прикрытый простыней. Напротив, у окна в кресле сидит **Девушка**, нервно кусающая ногти. Слышится звук телефонного звонка — противный, вибрирующий, тревожный, монотонный «бр-р-р». Парень вздрагивает, но шепот девушки «Тихо, маленький» успокаивает его.*

Девушка. Он говорит: «Сходи в душ». Через «а» и «щ». И что? Пойду я в душ, намылю себя финсташковым гелем, задумаюсь о том, какую песню

спеть, чтобы он, услышав, смог оценить и мой голос, и мой музыкальный вкус, посчитаю семь-восемь, буду стоять вся в пене, с открытым ртом, пока он фьют... «Сходи в душ»... пока он поворачивает два ключа и пропадает в междуречье дорог и женщин. Блин, конечно, сегодня я постаралась, использовала разные штучки, заказала заранее на «Озоне», принес почти мальчик, худой, как бутерброд в театральном буфете, и спросил: «Будем проверять?» Нет! Не надо. Иди уже! Липкий, клубника, экстракт, но клейкий, соединяющий, со смыслом... он-то в экстазе, а я в хреновой мази. «Помойся», шепчет, ты всю кровать измажешь, я не лягу, пока не помоешься и не уберешь здесь. Тебе-то чего волноваться, не твоя же суспензия. А он, блин, смотрит на меня, кусает сигарету, а у меня так соски ноют, как будто он их сейчас мнет, как полиэтиленовый антидепрессант в каждой упаковке телека. Хочется крикнуть: «Перестань!», но я же никогда не крикну. А вдруг, кусав свой «Парламент», он наденет брюки, выдохнет так тяжело, как будто все это у него набралось, пока он был со мной, и свалит. Нет, не пойдет... так легко от меня не получится сбежать. Мне не трудно. Я помолчу, вымою всю эту клубничную слизь, постелю, если надо, новую простынку и наволочку заменю, если потребуется, чтобы только ничто не мешало. А то он и вправду не ляжет, и тогда у меня кресло, стул, подоконник, а ему выпастись надо после такого. Я же его извела. Не станет же он в кресле. *(Изучает кресло как место для обоюдных игр.)*

Хотя, может, и в кресле. И на полу, если понадобится. И на изжеванной кровати, и на... *(Взгляд падает то на пол, то на подоконник, то на потолок, и после кругового обзора останавливается на нем, измученном и, можно сказать, даже измочаленном.)* Размечталась, только не он. Он не. Может быть, он вчера так устал, у него энергии-то осталось только на один раз, и скажи спасибо за этот глоток. Спаси... но, правда, я же не знаю, чем он занимался вчера. Говорит, после работы. В полночь? Какая, нахрен, работа? Я уже думала лечь, прочитала «Отче наш», включила свет в прихожей и на кухне, взбила подушку... стучится. Если бы звонил, как все. Деликатный, блин. Стучится. Чтобы соседей не будить. Кого там будить? Молодых, что не живут в тишине в принципе, или этого старика, который из звуков воспринимает только грохот взрыва и шум свадьбы? Я уже спать, все постирала, у меня, как знал, и белья-то не было на себе, надела что-то из старого. А он: пусти, говорит, старого, голодного. А я, блин, молодая и сытая! Башмаки-то не стоптал, спрашиваю. Думала не пускать, напомнить из последнего, про его звонок на балконе, женское «мася» и это выдающее его с потрохами покусывание сигареты. «Меня ждут друзья, у одного из них юбилей, а без меня ничего не получится». Знаю, твой друг ждал тебя в постели, а со мной ты разминался. Думал, не выгорит, а тут и я, нескладеха, и она, чищенная пемзой. Отрезать бы ему по самую шею, чтобы больше не выросло... но он как-то умеет на меня воздействовать:

не сдержалась, открыла. Наверное, могла бы ему все отдать. Бери все: и посуду, и деньги, тысячу последнюю, и маринованные помидоры. А он с водочным амбре, шлеп борозда на порог, скинул только шапку, куртку и свои мокасины и на кровать меня, борозды свои оставлять. Пришел, оставил и напоследок туалетную воду унес. Случайно как-то. Второпях, а мужскую оставил. Так я на работу с ней. А что, надо же чем-то пахнуть. Не домом же, не метро. А там мои девки: «Ага...» Почему если от мужчины пахнет женским, то нормально, а про женщину такое никогда не скажут? Ты че это, от бывшего, что ли? Ушел, оставил. Или купила, а когда собралась дарить, он уже с другой трением занимался. *(Раздраженно.)* Все-то им понятно. По статистике... Нахрен их статистику. Я что, как и все в этой консервной банке? У меня что написано?

Лежащий на кровати объект ее внимания просыпается, ворочается. Она приближается к нему.

Тихо, маленький. Спи, еще ночь, все зайки спят. И ты спи. Любит тишину. У меня, говорит, на работе все ведут себя тихо. Я им ничего не позволяю. Чуть что — на кол. *(Насмешливо.)* На кол... кол. Так посмотришь: как будто и не живой. Лежит у меня... неживой. Почему? Да потому что застыл в одной недвижимой позе, как только глаза прикрыл, и не храпит? Мой папка так храпел, так... все равно что говорил со мной. Он: «Хр», а я отвечаю. Он: «Хре-хре, хрю-хрю». И такое понимание было. Его

вздых мог рассказать больше, чем болтушка на улице, которую спросили, как пройти до метро. Его выдох, долгий, протяжный и даже певучий. Он выдыхал, и я вместе с ним. Только вдыхать, как он, у меня не получалось. У него прямо талант был. (Задумчиво.) Был. Бы-ы... л. (Обращает внимание на лежащий «труп».) А так ничего. Мертвецки. Тихо, ни звука. Натренировался, су... рок.

Спохватывается, прикрывает рот, как будто понимает, что не должна так говорить.

Прости, прости. Я дура. Не должна так. Надо как-то по-другому — ласково, чтобы, проснувшись, он на эти слова уже усвоенные мне ответил. Так не могу. Так ему лучше в самое ухо, чтобы это слово вошло, как надо, а так, на расстоянии, все что угодно может влететь, и ему что, все это перерабатывать? (Подходит.) Сколько их у тебя было? Не партнеров на ритмике идохлых рыбок, выкинутых в окно, а, да-да, этих длинных горячих надушенных тел? Ноль. (Насмешливо.) Я у тебя одна, словно в ночи луна... а ты ко мне совсем невинный пришел. Это я тебя испортила. Плохая девочка. (Смеется.) Повернулся. Блин, чувствительный. На работе своей нужно бдить круглосуточно. Он и на мне как будто постоянно бдит. (Смеется еще громче.) Тихо-тс-с... Нужно сдерживать себя, но как, когда у него при ласках три раза вибрирует, отсылается почта, да и сейчас, во сне, постоянно что-то звучит. Вот бы... тихо-тс-с-с. Спокойствие, только спокойствие, говорил один